

ТАЙНЫ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Е.Ю. Шестакова

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ НАЧАЛА XX ВЕКА)

В данной работе мы обратимся к теме детства в русской литературе XIX века и в произведениях русского зарубежья начала XX века. Сегодня в практике школьного обучения в отношении произведений о детстве писателей русского зарубежья первого периода необходимо обращать внимание не только на факты преемственности, наследование ими традиций русской классической литературы, но и на важнейшие особенности, отличающие это литературное поколение от предшественников. Безусловно, на сегодняшний день учителями-словесниками предложено большое количество методических разработок, касающихся изучения на уроках литературы произведений о детстве писателей русского зарубежья: О.М. Хренова, Н.И. Пак, Е.О. Галицын, Г.В. Пранцова, Н.А. Попова, М. Свердлов, А. Фомичева. Однако при изучении на уроках литературы произведений о детстве писателей-эмигрантов в их сравнении с русской литературой XIX века необходимо обращать внимание школьников на концепцию детства, сложившуюся в XIX веке и претерпевшую изменения в начале XX века. В русской литературе о детстве первой половины XIX века сложилось особое восприятие детства и его изображение в художественном произведении. Начало такой концепции было положено в повести Л.Н. Толстого «Детство» (1852), затем ее продолжил С.Т. Аксаков в повести «Детские годы Багрова-внука» (1857), и, в последующем, она была заимствована писателями русского зарубежья начала XX века. Так, Н.Г. Бочаева отмечает, что «толстовская идея о непреходящей ценности детского неискаженного восприятия мира», которую он воплотил в повести «Детство», «нашла продолжение в творчестве Бунина»¹. В романе «Жизнь Арсеньева» Бунин изображает способность героя-ребенка особым образом воспринимать окружающее пространство и время, в чем проявляется преемственность традиций этого произведения с повестью Толстого. Данная особенность заключается в «замкнутом существовании» героя

Бунина, который живет в «дворянской усадьбе»². Иными словами, Бунин продолжает развитие традиции «мифа дворянского гнезда», «счастливого места», «благословенной земли», которая, по мнению исследователей Э. Вахтеля, В.В. Легоньковой, Н.Г. Николаевой, В.Г. Щукина, сложилась в русских произведениях о детстве XIX века. Такое пространство, окружающее героя-ребенка, согласно мнениям ученых, проникнуто «идиллическими мотивами «золотого века», в котором «явно доминирует гармоническое начало». Исследователь романа Бунина «Жизнь Арсеньева» особо подчеркивает, что «в родовом гнезде» героя «сохраняли заповеди дворянской чести, гордились древностью рода»³. Традиционные истоки такого осмысления детства также заимствованы из повести Толстого, где семья, родственники составляют главное окружение Николеньки Иртеньева и связаны с родовым поместьем. В этом заключается один из важнейших признаков «идиллического хронотопа», который, согласно концепции М.М. Бахтина, характеризуется «вековой прикрепленностью жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее событиях не отделена»⁴.

Однако, несмотря на выявленные признаки, свидетельствующие о преемственности, Бунин, в отличие от Толстого, вкладывает в раскрытие темы детства, своего прошлого особый, дополнительный смысл. На данный аспект обратил внимание в своем исследовании Чай Чжин Хи, который отметил, что детство для Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» соединяется с темой утраченной родины, исчезнувшей России. Детство в произведении Бунина представляет собой «идиллический мир прошлого» в первую очередь потому, что им идеализируется ушедший мир «старой России». По мнению исследователя, память о гармоничном, счастливом прошлом переносится автором в собственное настоящее, которое является «чужим пространством», не-Россией, «социально-исторической агрессией», способствующей возникновению «трагичности су-

¹ Бочаева Н.Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И.А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 1999. – С. 15.

Елена Юрьевна Шестакова — аспирант кафедры теории и истории литературы Северодвинского филиала ПГУ им. М.В. Ломоносова.

² Бочаева Н.Г. Указ. соч. – С. 17.

³ Там же. – С. 17.

⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 374.

ществования»⁵. Обращение к идиллическому миру детства, построение связи с прошлым, неразрывно соединенной с Россией, помогает Бунину обрести внутреннюю гармонию, которая ему необходима в хаосе настоящей реальности.

Особенно большое количество исследований посвящено выявлению преемственности и новаторства в отношении повестей Л.Н. Толстого «Детство» и А.Н. Толстого «Детство Никиты». В первую очередь, А.Н. Толстой, изображая детство своего героя Никиты, описывает его существование в рамках «единого пространства – родина, Россия, вечно юная, неделимая и светлая», то есть замкнутого, идиллического, и «эпического времени», круглого, завершенного, соотносящегося с временами года⁶. Детство Никиты проходит в пространстве родного дома и окружающего его мира деревни и природы; начинается повесть с того, что «Никита... открыл глаза», когда на окне красовались «морозные узоры», а заканчивается с наступлением осени, когда время завершило свой годовой круг. В этом проявляется преемственность с повестью Л.Н. Толстого, где Николенька отмечает, что «необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синеющим лесом, который тогда казался... самым отдаленным, таинственным местом, за которым кончается свет, или начинаются необитаемые страны»⁷; поскольку, по мнению исследователя, «слово август», с которого начинается повесть, «символизирует начало жизни героя..., начало детства; слово апрель – его завершение, начало отрочества и в то же время окончание жизни матери», то «возникает на уровне названий месяцев композиционное кольцо», то есть изображение кругового движения времени⁸. Существование в пределах идиллического хронотопа способствует тому, что Никиту и Николеньку можно отнести к типу «идиллического человека», который, говоря словами исследователя, «характеризуется чертами сформировавшегося его мира – он всегда замкнут и всегда равен себе»⁹. Однако такое мнение в исследовательской литературе не является однозначным. Так, А.В. Алпатов отмечает «привнесение во внутренний мир» Николеньки Иртеньева «усложненности, с такими наслоениями, которые шли скорее уже от сознания взрослого по-

вестователя, вспоминаясь давнее», в то время как Никита, герой повести А.Н. Толстого», сохраняет «всю свежесть, первичность живых реакций на мир», поэтому ему «чужд элемент морализирования», в повести «все дано так, как это воспринимает ребенок, пылливо смотрящий на мир широко раскрытыми глазами»¹⁰. Как отмечает Б. Бурсов, Никита не испытывает «мучительных противоречий между «я» и окружающим миром»¹¹. Кроме того, в отечественном литературоведении сложилось устоявшееся представление о том, что главная задача Л.Н. Толстого при создании повести «Детство» заключалась в том, чтобы изобразить своего героя в состоянии конфликта с самим собой и с окружающим миром, и на этом основании данное произведение исследователями Н.А. Николиной, В.В. Мухиным, В.В. Аствацуровой, В.Г. Одиноким отнесено к жанровой традиции романа воспитания. На наш взгляд, образ Николеньки Иртеньева не подчинен идее постоянного развития, становления, поскольку, до момента переезда в Москву, находясь в идиллическом пространстве деревни, он исполнен гармонии и счастья: «наслаждается видом собак, лошадей», испытывает «удовольствие от игры» с другими детьми, купается в любви и нежности матери, ему свойственны «свежесть, беззаботность, потребность любви, сила веры». Мы утверждаем, что в идиллическом хронотопе, в рамках которого существует Николенька Иртеньев, нет места для конфликта в его душе. В этом смысле повесть Л.Н. Толстого «Детство» в большей степени демонстрирует жанровые признаки жанра идиллии, нежели романа воспитания. Нарастание в «московских главах» состояния конфликтности во внутреннем мире Николеньки Иртеньева связано с самой природой идиллического жанра. Идиллия, согласно Е.И. Ляпушкиной, «готова быть вовлеченной – ценою жанрового разрушения... – в сюжетное повествование», а происходит это разрушение вследствие «преодоления границы», замкнутого идиллического пространства и «разрыв» кругового течения времени линейным, которое вносит в статичный мир идиллии движение, развитие¹². Идиллия обречена на разрушение, поскольку неизбежно вмешательство события, «новости» (термин Е.И. Ляпушкиной) в статичный, застывший мир идиллического существования. Такое разрушение жанра идиллии наблюдается в обеих повестях. Никита, покидая деревню, утрачивает гармоничность существования, где «вместо спокойного, радостного дере-

⁵ Чай Чжин Хи. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: Проблема жанра: Автореф. дис. ...на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – М., 1999. – С. 18.

⁶ Муценко Е.Г. Поэтика прозы А.Н. Толстого. – М.; Воронеж, 1983. – С. 49.

⁷ Толстой Л.Н. Детство; Отрочество; Юность. – М., 1986. – С. 23.

⁸ Ланская О.В. Концепт «дом» в языковой картине мира: На материале повести Л.Н. Толстого и рассказа «Утро помещика»: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2005. – С. 57.

⁹ Ляпушкина Е.И. Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». – СПб., 1999. – С. 41.

¹⁰ Алпатов А.В. Творчество А.Н. Толстого. – М., 1956. – С. 35.

¹¹ Бурсов Б. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. – М., 1981. – С. 81.

¹² Ляпушкина Е.И. Указ. соч. – С. 39.

венского раздолья – семь тесноватых, необжитых комнат, за окнами – гроыхающие по бульжнику ломовики», вместо тишины, покоя – «суета, шум, взволнованные разговоры», вместо безмятежности и беззаботности – «озабоченные люди»¹³; время теперь становится линейным, поскольку мальчик взрослеет, поступает в гимназию, где столкнется с несправедливостью, противоречиями и будет приобретать жизненный опыт. Николенька Иртенев, оказавшись в Москве, также утрачивает идиллическую цельность, впервые поражаясь, что солгал, написав неправду в стихах бабушке («и любим, как родную мать»), страдает от собственной некрасивой внешности, не может объяснить себе «жестокости поступка» в отношении Иленьки Грапа, ловит себя на ненужности насмешек над Карлом Ивановичем, которые он позволил себе в угоду Сонечке, и, как кульминация, – притворство во время похорон матери. Круговое течение времени «обрывается» смертью матери: «со смертью матери окончилась для меня счастливая пора детства и началась новая эпоха – эпоха отрочества»¹⁴. Как отмечает исследователь, «понимание смерти – это также понимание времени», которое «основано на драматическом для сознания противоречии детского, «не-линейного», и взросло-го, «линейного» времени»¹⁵.

Однако А.Н. Толстой, как представитель русского литературного зарубежья, периоду детства придает черты идилличности вследствие его связи с ушедшей Россией. Детство для А.Н. Толстого становится не просто гармоничным временем существования, а способом возвращения к родине, к истокам, к «старой России». Если Л.Н. Толстой «тоскует о счастливой невозвратимой поре детства», то А.Н. Толстой обращается к теме детства именно потому, что детство неразрывно связано с Россией, говоря словами исследователя, «чувство родины определяет тональность и поэтику повести»¹⁶.

Идиллическая концепция детства, сложившаяся в повести Л.Н. Толстого, также имеет свое продолжение в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», в одной из частей которой, озаглавленной как «Заря», «герой – девятилетний мальчик, жизнь которого проходит в безмятежности усадьбы жизни»¹⁷. В повести И.С. Шмелева

«Лето Господне» детство – «это были воспоминания о прошлом, но прошлом, безусловно, идеализированном»¹⁸. Однако, как и для всех писателей-эмигрантов, для Зайцева, говоря словами исследователя, «тема Эдема, как утраченного рая, получает... символическую разработку», «Россия – вот утраченный рай, о котором страдает главный герой..., автор»¹⁹. Иными словами, «Зайцев... оплакал Россию своего детства, не пережившую катастрофы»²⁰. В повести Шмелева также «образ утерянного детства... сливался с образом утерянной Родины»²¹. Однако необходимо отметить, что произведения Зайцева и Шмелева о детстве отличается такая особенность, как возвращение не только к «образу утерянной родины», но и «Святой Руси». Сам Зайцев писал, что в эмиграции «созерцал» «теперь легендарную Россию (своего) детства...», «а еще далее вглубь времен – Россию «Святой Руси»²². Шмелев в повести «Лето Господне» «рисует икону своей родины, России вечной, в которой силен дух Святой Руси»²³.

Таким образом, в практике школьного преподавания произведений о детстве писателей русского зарубежья начала XX века необходимо обращать внимание на наличие особой концепции детства, сложившейся в русской литературе первой половины XIX века. Учитель-словесник должен подчеркнуть преимущество писателей-эмигрантов, проявляющуюся в раскрытии темы детства с помощью признаков жанра идиллии: идиллический хронотоп (замкнутое пространство и циклическое время), свойства «идиллического человека» (внутренняя гармония с самим собой и окружающим миром), связь с мифом (миф «о золотом веке», Эдеме, «земном рае», «счастливым месте», «благословенной земле», «миф дворянского гнезда»). Кроме того, на уроках литературы при освещении темы детства в произведениях писателей русского зарубежья начала XX века необходимо отметить, что обращение к детству становится попыткой с помощью памяти вернуться в мир ушедшей России, духовно воссоединиться с родиной, от которой они были далеко. Для школьников важно подчеркнуть, что для писателей-эмигрантов разрушение идиллического мира детства, окрашенное в трагические тона, становится не просто потерей свежести и непосредственности восприятия мира, но – катастрофой космического, вселен-

¹³ Толстой А.Н. Повести и рассказы. – М., 1985. – С. 241.

¹⁴ Толстой Л.Н. Указ. соч. – С. 94.

¹⁵ Курнати Н.Б. Воспоминания о «смерти маменьки» в дворянских мемуарных текстах конца XIX века // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. – М., 2003. – С. 70.

¹⁶ Елизаветина Г.Г. Традиции Русской автобиографической повести о детстве в творчестве А.Н. Толстого // Толстой А.Н. Материалы и исследования. – М., 1985. – С. 55.

¹⁷ Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин). – Ставрополь, 2001. – С. 93.

¹⁸ Там же. – С. 88.

¹⁹ Там же. – С. 71.

²⁰ Бронская Л.И. Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин. – Ставрополь, 2000. – С. 92.

²¹ Бронская Л.И. Указ. соч. – 2001. – С. 88.

²² Зайцев Б.К. Молодость – Россия // Зайцев Б.К. Земная печаль. – М., 1990. – С. 27.

²³ Басинский П.В., Федякин С.Р. Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. – М., 2000. – С. 28.

ского масштаба. Детство, потерянное, разрушенное вместе с родиной, осмысляется писателями русского зарубежья как разрушение всего прошлого жизненного уклада, ценностей, мировоззрения. По этой причине разрушение идиллического хронотопа периода детства, а, значит, и всей России, рассматривается писателями-эми-

грантами как Апокалипсис, приход времени Страшного Суда. Учитель должен отметить, что для писателей русского зарубежья разрушается вместе с детством мир «Святой Руси», когда исчезают все духовные ценности, лежавшие в основе существования.
